

тов¹ — имеют, в общем, тот же фонетизм и это заставляет считать высшим пределом (т. е. сроком *post quem* начала славянского влияния X в., конец периода общерумынского языка.

Примерно такой же период указывает на начало славянского влияния и ситуация еров. Слабые еры не представлены в румынском языке каким-либо звуком: дбг. *sŭvada, sŭvētŭ, pŭvŭnica, košŭnica* > рум. *sfadă, sfat, pŭvniță, coșniță*. Этот факт может быть интерпретирован как доказательство того, что слова, имевшие слабые еры представляют в румынском языке явление, последовавшее за исчезновением этих гласных (приблизительно X век)². К такому же выводу ведут и сильные еры, которые выступают вокализованными: *dobitoc, vîrtop, coteț, temniță* < дбг. *dobyťkŭ, vrŭtŭpŭ, kotičŭ*³.

В древнеболгарских говорах, как указывают древнеславянские тексты, существовал гласный у. В румынских формах на его месте последовательно появляется i: *bivol, dobitoc, vidră*, ср. ст. сл. *byvolŭ, dobyťkŭ, vydra*. Замещение у через i отмечено, хотя и не во многих примерах, в древнеславянских текстах⁴. Фактически мы не знаем точно, как произносился у в древнеболгарских говорах, так же как не знаем как произносился и в старославянском. Если он, как утверждается, был близок к русскому ы, то в румынском языке можно было бы ожидать его передачи через î. В этом случае румынские формы, о которых была речь выше, отражают славянский фонетизм X—XI-ого вв.

4. Возникает вопрос: славянское влияние на румынский язык началось так поздно, лишь в X веке? Было дано и другое объяснение относительно нового фонетизма румынских заимствований. Утверждая что славянское влияние началось в румынском языке в VII—VIII вв., акад. Ал. Росетти придерживается мнения, что фонетизм румынских заимствований возобновлялся постоянно, «настолько, что произношение слов было всё время адаптировано к текущему произношению» [славянскому]⁵.

Из вышеуказанного вытекает, думается, что славянское влияние в румынском языке (не в дунайском романском языке) не может быть древнее X века. До тех пор были заимствованы из славянских говоров в дунайском романском языке, как уже говорили, относительно небольшое число слов как: *șchiau* (арум. *șclau*), *jupîn, stăpîn, stîină, smîntîină, măgură, mătură, sută* и быть может *baltă, gard, daltă* и ещё некоторые. Число их очень невелико.

Мы убедились, что для заимствования этих слов может быть установлена дата *ante quem*, учитывая хронологию некоторых славянских фонетических явлений: *ă* > *o*; перестановка в сочетаниях (*t*)*art*, (*t*)*alt*, *telt*, *tert* (IX век); рум.

¹ Состояние этих общих элементов должно быть пересмотрено в свете новых исследований южнодунайских диалектов.

² Отметим, что в двух из славянских слов, проникших в дунайско-романский язык, слабый ер не исчез, а сохраняется в виде и, потому что соответствующие элементы были заимствованы до перехода и краткого в ер (ъ): *mătură* (ср. алб. *netullë*) < лат. **metula* < сл. *metŭla* (см. акад. Э. Петрович, *цит. раб.*, стр. 320); мы добавим еще и *sută* < лат. **suta* < сл. **sŭta*. Собственно и в других языках бывшее и краткое передано через и, в старых заимствованиях славянского происхождения (ср. латш. *dukurs* < сл. *dŭxorŭ* «хорь», А. Ваян, *Grammaire comparée des langues slaves*, I, Лион — Париж, 1950, стр. 125; фин. *аккина*: сл. *akŭna* > *okŭno* «окно», В. л. Георгиев, *цит. раб.*, стр. 52, 66).

³ Акад. Ал. Росетти, *цит. раб.*, III⁵, стр. 96.

⁴ Ст. Кульбакин, *цит. раб.*, стр. 63.

⁵ *Цит. раб.*, III⁵, стр. 31.